

Глава 1

Квайхамбах близ Анвайлера, Васгау, 21 марта 1524 года от Рождества Христова

Палач накинул мальчишке петлю на шею. Парень был не старше Матиса. Его била дрожь, и по щекам, перемазанным грязью и соплями, катились крупные слезы. Время от времени он всхлипывал, но в целом, казалось, смирился со своей участью. На вид Матис дал бы ему шестнадцать, верхнюю губу его покрывал первый пушок. Мальчишка наверняка носил его с гордостью и пытался произвести впечатление на девушек. Но больше не свистеть ему девушкам вослед. Его короткая жизнь заканчивалась, не успев толком и начаться.

Двое мужчин рядом с мальчишкой были немного старше. Растрепанные, одетые в грязные и рваные рубахи и штаны, они бормотали беззвучно молитвы. Все трое стояли на лестницах, прислоненных к побитой дождями и непогодой деревянной балке. Виселица Квайхамбаха была сделана на совесть, уже не одно десятилетие здесь казнили преступников. А с казнями в последнее время зачастили. Уже который год холодную зиму сменяло засушливое лето, по окрестностям проносились чума и прочие эпидемии. Голод и тяжкие поборы вынудили многих крестьян Пфальца уйти в леса, присоединиться к разбойникам или браконьерам. Вот и этих троих, на виселице, поймали за браконьерство. Теперь им полагалась предусмотренная за это кара.

Матис держался чуть в стороне от любопытной толпы, что собралась в это дождливое утро на казнь. Висельный холм располагался в четверти мили от селения, но достаточно близко к дороге на Анвайлер, чтобы путники могли его разглядеть. Вообще-то Матис собирался лишь передать управляющему Квайхамбаха подковы, выкованные отцом, кузнецом Трифельса. Но на обратном пути он завернул к висельному холму. Матис хотел было двинуться дальше – как-никак, на сегодня его освободили от работы, и у него еще имелись кое-какие планы. Однако при виде такого количества людей, с напряженными, застывшими лицами стоявших под ледяным дождем в ожидании казни, любопытство пересилило. Поэтому он стоял здесь и разглядывал телегу, в которой приговоренных привезли к месту казни.

Между тем палач приставил к виселице лестницы и, точно телят на убой, втащил бедных грешников на балку, а там одному за другим надел петли на шеи. Когда дело было сделано, над толпой повисла глубокая тишина, нарушаемая лишь редкими всхлипами мальчишки.

В свои семнадцать лет Матис успел повидать уже не одну казнь. В основном это были разбойники или воры. Их колесовали или вешали, а люди хлопали и забрасывали дрожащих висельников гнилыми фруктами и овощами. Но сегодня все было по-другому. В воздухе повисло едва ли не звенящее напряжение.

Стояла уже середина марта, но с полей местами даже не сошел снег. Поеживаясь, Матис наблюдал, как толпа неохотно расступилась и к пригорку шагнул наместник Анвайлера Бернвард Гесслер. За ним следовал толстый священник, отец Йоханнес. Ни тот, ни другой явно не горели желанием смотреть, как три висельника болтают ногами под ледяным весенним дождем. Матис решил, что оба они сидели в теплом трактире за кружечкой-другой подогретого пфальцкого вина. Но, будучи герцогским управляющим, наместник был уполномочен вершить местное правосудие. И теперь ему следовало огласить приговор. Дождь под порывами ветра хлестал по лицу. С трудом придерживая берет из черного бархата, Гесслер прошагал сквозь непогоду и взобрался на пустую телегу.

– Жители Анвайлера! – обратился он к окружающим зычным, надменным голосом. – Эти трое уличены в браконьерстве! Это жалкие бродяги и разбойники, и они не заслуживают более права на жизнь. Пусть их смерть всем нам станет назиданием: гнев Господень ужасен, но справедлив!

– Тоже мне разбойник, – проворчал тощий крестьянин рядом с Матисом. – Я знаю беднягу, того, что справа. Это Йозеф Заммер из Госсерсвайлера. Вполне порядочный был работяга. Только хозяин не смог ему больше платить, вот и ушел он в леса... – Крестьянин сплюнул на землю. – А что нам еще лопать, когда урожай градом два раза подряд побил? Даже орехов буковых в лесу не осталось. Там пусто, как у моей жены в сундуке...

– И арендную плату снова повысили, – поддержал его второй крестьянин. – А святоши живут в свое удовольствие. Десятину-то они не забывают выколачивать. Смотрите вон, как наш батюшка зажил!

Дородный отец Йоханнес с простым деревянным крестом в руках как раз подступил к виселице. Перед каждой из лестниц он останавливался и громким, монотонным голосом зачитывал короткую молитву на латыни. Но приговоренные лишь уставились в пустоту и, казалось, пребывали уже в ином мире. Только мальчишка по-прежнему жалобно всхлипывал. Он словно бы взывал к матери, но из толпы никто не отвечал.

– Властью, данной мне герцогом Цвайбрюкена, приказываю палачу воздать по заслугам этим преступникам! – пронесся над толпой голос Гесслера. – Они лишены права на жизнь!

Наместник переломил небольшой прут, и палач, коренастый мужчина в широких солдатских штанах, льняной рубаше и с повязкой на глазу, выдернул лестницу из-под ног у первого приговоренного. Бедняга несколько раз дернулся, тело его закачалось из стороны в сторону, точно взбесившийся маятник, и по штанам растеклось мокрое пятно. Он еще слабо подергивался, а палач уже взялся за следующую лестницу. Забившись в петле, второй мужчина продолжил дикую пляску. Когда очередь дошла до мальчишки, по толпе пробежал ропот. Значит, не один Матис заметил, насколько юн был этот парень.

– Дитё! Вы же дитё вешаете! – завопил кто-то.

Матис оглянулся и увидел удрученную горем женщину. В юбку ей вцепились две маленькие, сопливые девочки, а в льняном свертке за спиной надрывался младенец. Вряд ли она была матерью мальчишки, но лицо ее раскраснелось от гнева и возмущения.

– Не может такое быть угодным Господу! – кричала женщина в ярости. – Не допустил бы Господь такого, будь он справедлив!

Заметив растущее беспокойство зрителей, палач замешкался. Наместник Гесслер вскинул руки и обратился к толпе.

– Он уже не ребенок! – проворчал он властным голосом. – Он знал, на что идет. И теперь несет заслуженное наказание. Это более чем справедливо! Или кому-то хочется возразить?

Матис понимал, что наместник прав. Казнить, по немецким законам, можно было с четырнадцати лет. Если судьи сомневались в возрасте подсудимого, то прибегали к простой уловке: парню или девушке предлагали на выбор яблоко и монету. Если выбор падал на монету, обвиняемый признавался дееспособным. И его казнили.

Вразумления наместника ничуть не смутили людей вокруг Матиса. С недовольным ропотом они теснее обступили виселицу. Второй висельник еще слабо подергивался, первый уже затих и болтался на ветру. Мальчишка с петлей на шее трясся и таращился с лестницы на палача. А тот в свою очередь уставился на Гесслера. Время словно замерло на мгновение.

– Долой кровопийц! Долой герцога и его наместника! Довольно морить нас голодом, как скотину! – раздался вдруг очередной выкрик. – Смерть властителям!

Гесслер вздрогнул. Люди в толпе голосили и бесновались, кто-то отдельными выкриками славил трех браконьеров. Наместник неуверенно огляделся в попытке высмотреть крикуна, открыто призывавшего к восстанию.

– Кто это был? – возмущенный Гесслер перекричал шум. – Кому хватило наглости выступить против Господом избранного герцога и его служителей?

Но подстрекатель уже смешался с толпой. Однако Матис успел мельком его разглядеть. Это был горбатый Пастух-Йокель. Он пригнулся за спинами нескольких женщин, откуда и наблюдал за происходящим. Голос у него, как и всегда, был настойчивый и на удивление проникновенный. Матису показалось, что губы пастуха растянулись в едва заметной улыбке, но потом вид ему загородили несколько бранящихся крестьян.

– Довольно с нас проклятой десятины! – воззвал кто-то другой поблизости, тощий старик с палкой. – Епископ с герцогом жиреют, а вы вешаете тут детей, которые не знают, что им есть! До чего дожили!..

– Спокойно, люди! Успокойтесь! – приказал Гесслер и властно поднял руку. – Пока еще кто-нибудь не оказался на виселице. Кому хочется сплясать, пусть только скажет!.. – Он дал знак стражникам, стоявшим все это время за телегой, и они, грозно выставив пики, шагнули к толпе. – С теми же, кто спокойно отправится на работу, ничего не случится. На все воля Божья!

С разных сторон еще доносились проклятия и громкая ругань, но и они постепенно смолкали. Пик негодования миновал, страх и привычки, как это не раз бывало, взяли верх над гневом. Теперь в толпе лишь едва слышно перешептывались, так слабый ветерок шелестит над полями. Наместник расправил плечи и дал знак палачу.

– Ну, принимайся за дело. Пора уже с этим кончать.

Резким движением палач выдернул лестницу у мальчишки из-под ног. Парень бился и дергался; глаза его, словно крупные бусины, вышли из орбит. Но агония продлилась недолго. Спустя какую-то минуту конвульсии прекратились, и тощее тело обмякло. Мертвый и неподвижный, мальчик казался еще меньше и ранимее, чем при жизни.

По-прежнему недовольные люди начали расходиться. Они украдкой переговаривались, но после каждый отправился по своим делам. Матис тоже двинулся прочь. С него было довольно. Парень с грустью закинул на плечо пустой мешок и зашагал в сторону леса.

На сегодня он наметил еще кое-что.